

Ю.П. Кожевников

За растениями по Чукотке

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 91
ББК 26.8
Ю11

Ю11 **Ю.П. Кожевников**
За растениями по Чукотке / Ю.П. Кожевников – М.: Книга по Требованию,
2013. – 201 с.

ISBN 978-5-458-47153-4

ISBN 978-5-458-47153-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

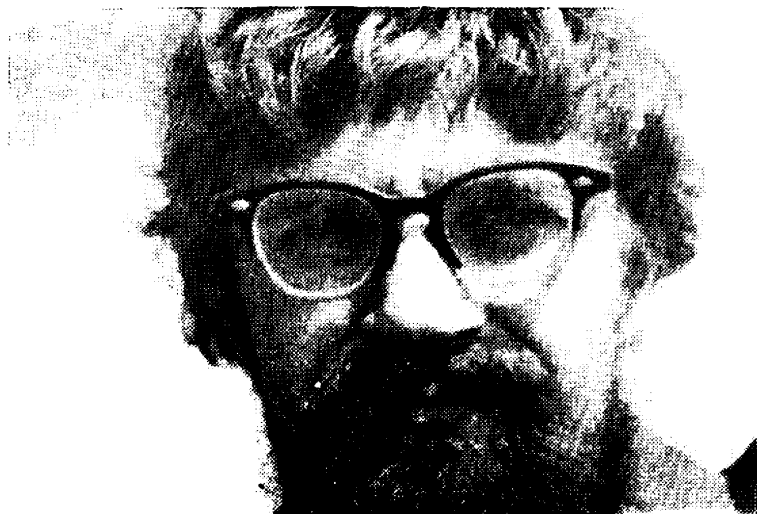
ПРЕДИСЛОВИЕ

Каждый из нас при первом знакомстве с географией обращает внимание на то, что граница восточного полушария справа наверху разрывается и в разрыв вылезает «нос» — маленький клочок суши, который изображен и в западном полушарии в виде сиротливого клочка Азии. «Клочок» этот не что иное, как Чукотский полуостров. 180-й меридиан вынуждает географов страны иметь дело с непривычными градусами западной долготы. Поперек 180-му меридиану Чукотский полуостров режет почти на равные части Полярный круг. Волны двух океанов облизывают полуостров с севера и юга, и только восьмидесятикилометровый Берингов пролив отделяет его от Аляски. Немеркнувшей славой русских землепроходцев овеяны эти места.

Много трагедий таит в себе эта земля, где зимой полыхает северное сияние или крутит беспощадная пурга. Замирает все живое под натиском жестокого холода. Но приходит весна, и наперекор многочисленным снежникам тундра покрывается цветистым ковром растений. Вопреки распространенному мнению чукотская флора очень богата. По предварительным подсчетам, ее составляют более 800 видов одних только цветковых растений, то есть исключая мхи, лишайники и водоросли.

Природа полуострова неповторимо своеобразна. Летним днем в ясную погоду можно загорать, а через несколько часов придется надевать шубу. Бывает, что и в июле выпадет снег и свирепствует пурга. Мое первое детское знакомство с ней состоялось благодаря роману Тихона Семушкина «Алитет уходит в горы». Спустя несколько лет карта Чукотки приобрела в моем воображении особый смысл. Она стала живой. Здесь мы шли, здесь летели, здесь плыли, здесь пили чай, здесь нашли редкое растение, здесь голодали, здесь мерзали, здесь охотились. В то же время становилось ясно, что природа Чукотки до сих пор остается книгой за семью печатями, что сломана, может быть, только одна такая печать. Мы пытались приоткрыть ее страницы, и кое-что удавалось. Мы изучали растительный покров полуострова, но растительность связана теснейшими узами со всем остальным, что живет в этих краях, а также рельефом и климатом. Мы спорили и спорим. Многие противоборствующие идеи до сих пор не получают подкрепления новыми фактами. Многое остается в сфере досужих измышлений. Это — нормальное положение вещей, хотя иным и кажется, что досужие измышления — уже плод науки.

В настоящее время достаточно люди осознали необходимость поддержания природы в ее естественном, первозданном виде. В то же время технический прогресс не может быть приостановлен

лишь для того, чтобы на Земле цвели редкие растения и существовали редкие животные. Необходимы какие-то компромиссные пути технического прогресса, направленные на то, чтобы естественная природа испытывала минимальное влияние возрастающей мощи человека. Для того чтобы определить эти пути, нужно хорошо знать тонкие механизмы взаимодействия природных факторов. А чтобы изучать эти механизмы, нужно прежде всего знать, как распространены растения и животные, хорошо или плохо им живется в тех и иных областях, откуда они сюда пришли, как влияют они друг на друга. Может казаться, что ботаники, изучающие распространение растений, не приносят конкретной, практической пользы обществу, однако в познании органического мира планеты ботаника занимает одно из первых мест. Ведь это растения являются поставщиками атмосферного кислорода; растительный покров в значительной мере определяет животный мир, из него черпает человек многое для своего материального обеспечения. Знания о распространении растений помогают восстановить облик нашей планеты в минувшие эпохи, а отсюда прогнозировать будущие его изменения.

Наша наука — ботаническая география — в значительной мере делается на Чукотке ногами, обутыми в тяжелые болотные сапоги. Об этом и рассказывается в книге. Когда я сел ее писать, передо

мной лежала куча дневников. Что-то в них уже устарело, что-то из прежде не ясного прояснилось, что-то было слишком специально. Но все же форма дневника показалась мне целесообразной. Помимо того что дневник позволяет почувствовать аромат непосредственных впечатлений, он показывает эволюцию исследователя от его первых шагов в неведомое. Мы вылетаем на Чукотку весной, в июне, когда объект наших исследований – растительный покров пробуждается от зимнего анабиоза. Мы постоянно рассчитываем на помощь местных жителей и встречаем их поддержку. Трудно перечислить тех благородных помощников нашей несложной науки, благодаря которым пишутся эти страницы. Выражая им огромную признательность, я посвящаю эту книгу ГЕОЛОГАМ, ТОПОГРАФАМ, ГЕОФИЗИКАМ, ШОФЕРАМ, ПASTУХАМ, ВЕЗДЕХОДЧИКАМ, РЫБАКАМ, ЛЕТЧИКАМ Залива Креста, чьи имена упомянуты далее.

ГОД ПЕРВЫЙ

Собственно введение. Первое знакомство с Арктикой. Залив Креста. Река Пепенвеем. Озеро Коолень. Река Утавеем. Урочище Дежнева. Поселок Пинакуль. Бухта Пенкигней. Поселок Провидения. Круг замкнулся.

Ровно гудят моторы. Высота 8000 метров. За бортом минус сорок градусов. Внизу сплошная пелена перламутровых хлопьев, во все стороны — сверкающий космос.

Я вступаю в новый этап своей жизни, но думаю не о будущем (оно придет), а перебираю воспоминания. Диплом, овеянный для меня шорохами и запахами пинежской тайги, защищен. Длинный коридор Ленинградского университета наконец пройден. Кончилась пора, оценить которую по-настоящему можно лишь гораздо позже.

Еще минувшей зимой мы со своим однокурсником связались с сотрудником Ботанического института, доктором биологических наук Борисом Александровичем Юрцевым, который руководил ботаническими работами на Чукотке. Он согласился взять нас, но планы моего однокурсника изменились, и в экспедицию я устраивался один. После всяких завершений студенческой жизни я присоединился в аэропорту к весьма солидной группе и вскоре впервые созерцал Москву.

Через три часа после вылета из столицы — первое знакомство с Арктикой. Стюардесса объявляет, что в Амдерме ноль градусов. После московской жары это кажется великим благом. Однако когда выходим из самолета, мерзнем так, будто тут все минус десять. Так-то перескакивать через климатические зоны.

Лететь уже осточертело, когда мы наконец оказались в Анадыре, точнее, в Шахтерском, на другой стороне лимана. Время сдвинулось на десять часов вперед.

Днем довольно жарко, появились комары. Оказалось, здесь нужно привыкать к аэропортовской неопределенности — то ли будет самолет, то ли нет. Однако нам повезло, и вечером мы улетели в Залив Креста.

19 июня. Залив Креста. Уже три дня мы познаем чукотскую жизнь во всех ее проявлениях. Мы воспользовались гостеприимством топографов и расположились в их домике в пяти километрах от поселка Эгвекинот. Едва перетаскали свои вещи, как с залива потянул туман, и скоро местность окуталась полумраком, воздух насытился влагой, которая время от времени конденсировалась и падала в виде мороси.

Снежников еще очень много, особенно на другом берегу Эгвекинотской бухты. Словно большие снежные деревья лежат на склонах гор. В первый же день мы совершили небольшую экскурсию на ближайшие склоны для ознакомления с флорой. Наш шеф Б. А. Юрцев называл растения и давал некоторые справки об условиях их произрастания и географического распространения. Для меня все растения были новые, за исключением единиц, например узколистного иван-чая.

Чтобы попасть в тундру, далеко ходить не нужно, она начинается в ста метрах от домов. Через пару дней благодаря совместным усилиям уже бывавших на Чукотке новички начинают узнавать растения. Шеф в это время носится по разным организационным вопросам.

Горная тундра спускается с сопок и простирается по уже равнинной поверхности огромных конусов выноса¹ до берега бухты. Поэтому горные растения встречаются здесь всюду.

Наш домик стоит на широченном конусе выноса из узкого распада. На этом конусе поразительно богатое сочетание самых разных растений. Особенно много точечной дриады, альпийской толкнянки, сибирской ветреницы, четырехгранной кассиопы, камчатского рододендрона, альпийской зубровки, остролодочника Васильченко, проломника Бунге, несколько видов мытника, обилие осок.

Сегодня, когда уже надоело заниматься бесконечными сборами в дальнейшую дорогу, я отправился на ближайшую сопку, пройдя вдоль бурной речки в распад.

¹ Конус выноса — это треугольник, одна из вершин которого упирается в распад между сопками, а катетами являются громадные осыпи со склонов сопки.

Наедине с дикой природой я часто испытываю чувство сильного духовного подъема. Окружающие формы и краски обретают звучание, сливаясь в какой-то гимн торжества всего живого, и каждая травка имеет свою партию в этом звучании. Эта мелодия вовсе не заставляет замыкаться в себе, наоборот, видишь больше и слышишь лучше.

Речка течет в каньонообразной долинке, в которую местами обрываются отвесные скалы. Шум бешено текущей воды заглушает все прочие звуки, которых, впрочем, не так уж много. На галечнике у самого выхода долинки из гор растут крупные кусты аляскинской ивы и ивы Крылова. Теперь они цветут, и стоит зацепить ветку, как рукав оказывается желтым от обильной пыльцы. Одновременно разворачиваются листочки. На южном склоне, который не только хорошо защищен от ветров, но и усиленно прогревается, местами растительность очень богата и разнообразна¹.

Собирая материал для дипломной работы на таежной речке Полте, я очень заинтересовался связями растений со средой их обитания. Почему здесь растут одни виды, а поодаль другие? Как слагаются группировки растений? Почему растения по-разному ведут себя в разной обстановке? Хотя по этим вопросам существует обширнейшая литература, многое остается еще неясным, а кое-что оказывается неверным. Теперь я убеждался все более в том, что именно в тундре можно получить ответы на многие вопросы о растениях и их среде обитания. В тундрах легко видеть, сколь существенно связана растительность с рельефом, причем в основном с микрорельефом. Незначительное повышение или понижение сразу же отражается на растительности, поскольку она низкоросла. Вот передо мной участок кустарничково-разнотравной тундры на склоне в долину. На нем более всего кустарничков — дриады, толокнянки, бруснички, стелются плети линнеи, но много и трав, то есть растений с мягким стеблем, отмирающим каждый год. Чуть

¹ Поскольку и в дальнейшем придется пользоваться понятиями «растительность» и «флора», то нужно сразу пояснить, что это не одно и то же. Растительность — это набор группировок или сообществ растений. Различные пятна в растительном покрове, которые мы можем видеть всюду — это растительность. А флора — набор видов, которые составляют растительность.

заметное понижение — и эта тундра сменяется зарослью шикши, среди которой имеются лишь единичные представители других растений. Еще по Архангельской области я знаю, что большинство растений не выдерживает близкого соседства шикши. В данном случае она заняла теплое местечко и, распустив свои длинные побеги, выжила все прочее. Однако шикша не столь уж прихотлива, встречается и там, где свирепые ветры не дают возможности жить другим растениям.

Выше перегиба склона в долину более полого, много мелкозем, растительность здесь тоже богатая, но набор видов небольшой. Я карабкаюсь вверх по щебенистому склону и выясняю, что здесь видов стало больше, хотя растительность приобрела клочковатый характер. Но в том-то и дело! Малосомкнутый растительный покров дает возможность существовать видам, которые не выдерживают конкуренции. Ведь, как отметил наш крупный ботаник М. Г. Попов, большинство видов на Земле являются маложизнеспособными. Эта их особенность проявляется прежде всего в неспособности противостоять натиску жизнеспособных растений.

Наверху (а высота сопки здесь порядка 600 метров) я находил те растения, которые встречались внизу, хотя там они попадались намного реже. Зато на вершине сопки не растут очень многие виды, которые встречаются в изобилии у подножия. Своеобразная вертикальная поясность.

На каменистых склонах растительность располагается пятнами или полосами, вытянутыми вдоль склона. Это объясняется тем, что мелкозем, необходимый для укоренения, вымывается из крупнообломочного материала и концентрируется в виде пятен и полос. Однако и среди нагромождения обломков кое-что растет, в особенности камнеломка Редовского и лапчатка одноцветковая. Не думайте, что у этого растения действительно один цветок, так она называется *Potentilla uniflora*. В действительности у этой лапчатки цветков может быть очень много, а одноцветковая она бывает только в крайне угнетенном состоянии. В ботанике нередко название не соответствует облику растения, но оно должно сохраняться по существующим правилам. Как вам нравится, например, сочетание — дрема безлепестная, подвид крупнолепестная!

С вершины открывается великолепный пейзаж. Тихая солнечная погода. В бухте плавают и сидят на отмелях гигантские льдины. Горы на том берегу кажутся совсем близкими. Некоторые из них ощерились останцами или кекурами. На моей сопке тоже торчат выступы скал. Вершина кажется голой, но это не так. Растения вжались сколько можно в щебень и все-таки растут. Можно даже сказать, что жилковатолистной ивы здесь много, хотя в глаза она не бросается. Здесь совершенно особая обстановка. Прежде всего, на скалах всегда теплее, так как всегда какой-то из участков перпендикулярен лучам солнца, он и нагревается сильнее всего. Переместится солнце и другие плоскости прогреет, и тепло окутывает весь скальный массив. Сильные ветры в скалах обычно не ощущаются, на выступах сила их гасится, если, конечно, ветер не лобовой.

Со скал я спускаюсь по осыпи огромными шагами вместе с ползущим щебнем. Внизу громко цвиркают белые трясогузки, вскрикивают евражки, как принято называть длиннохвостых сусликов. Впрочем, наиболее правильное название этого зверька — суслик Парри. Он носит имя англичанина-капитана, исследовавшего Канадский арктический архипелаг в начале XIX века. Его имя дано одному растению из семейства крестоцветных, это — паррия. Еще одно растение из этого же семейства в своем названии сочетает имена русского путешественника Эрмана и Парри — эрманил парриоидес.

22 июня. Залив Креста. Осматриваю соседнюю сопку, поднимаясь теперь по склону, обращенному на север. Склон этот заметно круче противоположного склона соседней сопки, где я побывал. Растительность здесь располагается более редкими пятнами, так как весь склон крупнокаменистый и на большей части лишенный мелкозема. На пятнах скопления мелкозема разрастаются мхи, лишайники и подушковидный кустарничек диапенсия. Весьма обычна также камнеломка Редовского, которая, как выяснилось впоследствии, совершенно отсутствует восточнее. Казалось бы, на границе своего географического распространения вид должен быть редок; замечаю же противоположное явление. Надо полагать, что в наше время этот вид продвигается на восток. При этом он

набирает мощь на фронте наступления, все энергичнее высывая «разведчиков» (семена). «Разведчики», конечно, не возвращаются. У них задача выжить и дать потомство. В таком случае граница вида немного продвинется.

В целом северный склон оказался менее интересным, чем южный, но причина этого только в его большей каменистости, которая связана с большей крутизной (местами угол падения достигает 50 градусов) и менее выраженным микрорельефом. Последнее дает малое разнообразие условий обитания, поэтому здесь встречены лишь тривиальные виды.

Решив составить представление об изменениях температуры, я делал теперь ее измерения в почве, на поверхности и в полуметре от поверхности. В середине дня температура воздуха держалась 18 градусов, а в моховых подушках на склоне она колебалась от 11 градусов до 13,5 градуса. Когда я вылез на вершину в три часа, воздух нагрелся уже до 22 градусов, причем был ветерок. Температура на поверхности почвы здесь оказалась 35 градусов, а в глубине почвы 17,5 градуса. И это на высоте около 600 метров. Такой результат, конечно, ошеломлял на первых порах. Растительность здесь заметно пышнее, чем на склоне, так как мелкозема больше. Но новые виды не обнаруживались. Обратило на себя внимание обилие мух, бабочек и пауков.

Наш домик с вершины казался совсем близко. Даже без бинокля видно, что у дверей стоит Володя и чешет затылок. Однако мой крик так и растворился в пространстве, не достиг его.

От вершины шел узкий гребень к следующей, более удаленной. Подходы к ней забаррикадированы глыбами. Здесь, конечно, ничего не росло, кроме накипных лишайников, которые в виде корочек облекают камни, и нелегко понять, живые они или давно отмершие. На второй вершине, на высоте более 800 метров, густо разрослись мхи и кустистые лишайники, но из высших (цветковых) растений нашлось только два вида. Сверху выяснилось, что наиболее развитая растительность приурочена к гребню, по которому я пришел сюда, а сразу при спусках на обе стороны от него фон становился серым. В этой ситуации видно, сколь велико значение почвенных условий. На гребне есть почвы, а на склонах они отсутствуют, хо-

тя почвоведы в таких случаях говорят о скелетных или примитивных почвах. На самом деле никаких почв тут нет, так как почва образуется при существенном влиянии растительности. И если нет растительности, то о каких почвах может идти речь? Правда, камни обильно покрыты корочками лишайников.

На севере вдаль тянется мощный синий хребет — основная цепь Искатеня. В бинокль видна густо-синяя вершина Матачингая; уж там-то наверняка ничего не растет. Панорама заставляет вспомнить полотна Н. К. Рериха — такой же чистый ультрамарин, отороченный сверху теплой голубизной.

Спускаюсь в распадок, где еще виднеются остатки исчезнувшего снежника. Здесь свежая зелень, на которой светятся желтые маки. Распадок ограничивают скалистые склоны. В одном месте перехожу фирновый снежник, проваливаясь в снег по колено.

Богатство форм микрорельефа радует новыми находками, компенсирует физическую усталость. Каждый новый вид приносит удовлетворение. Обогащаются представления о местообитаниях¹ и их обитателях. Опять появились пуночки, с криками перелетающие с места на место.

Некоторое время я думал, что обитатели гор весьма неосторожны, словно стремятся обратить на себя внимание. Таковы пищухи, лемминги, евражки и многие птицы. Потом я спросил себя, а какой, собственно, опасности они подвергаются? Да никакой. Конечно, здесь есть хищники, но в общем их мало.

Спустившись по распадку, я попал на горизонтальный участок прекрасной горной тундры над кипящим потоком. Это все та же речка, вдоль нее я направляюсь на выход из гор. Неподалеку от нашего дома речка уходит под землю, а не впадает в бухту обычным порядком.

Вчера ездили на автобусе на так называемую Зеленую горку, против поселка Озерного, в тринадцать километрах от Эгвекинота. Три года назад эта горка привлекла внимание Юрцева своей пышной зеленью, и выяснилось, что здесь растут некоторые виды, ко-

¹ М е с т о о б и т а н и е — это топографически однородный участок поверхности, например, выступы скал — одно местообитание, а осыпь под ними — другое.